слезами и жалобами, а дом свой обратил в развратный вертеп, *трехлетнего* мальчика Митю взял на свое попечение верный слуга этого дома Григорий» (9, 15). «Во-первых, этот Дмитрий Федорович был один только из *трех* сыновей Федора Павловича, который рос в убеждении...» (9, 17). «Родила она... Федору Павловичу двух сыновей, Ивана и Алексея, первого в первый год брака, а второго *три* года спустя» (9, 20). «Ровно *три* месяца по смерти Софьи Ивановны генеральша вдруг явилась в наш город лично» (9, 20). «Воротился он снова в наш городок окончательно всего только года за *три* до приезда Алеши» (9, 31). Обычно читаем: «*три* дня тому назад» (9, 61); «*третьего* дня» (9, 107); «*три* дня спустя» (9, 148); «*три* месяца лишь спустя» (9, 147); недели *три*» (9, 148); «недели *три* тому назад» (9, 184); «недели чрез *три*» (9, 207); «*три* дороги» (9, 195) и т. д.

Число «три» возникает в самых разных ситуациях, звучит в устах самых разных героев. «Когда и кем насадилось оно (старчество, — *В. В.*) и в нашем подгородном монастыре, не могу сказать, но в нем уже считалось *третье* преемничество старцев, и старец Зосима был из них последним» (9, 37—38). «Дмитрий Федорович! — завопил вдруг каким-то не своим голосом Федор Павлович, — если бы только вы не мой сын, то я... вызвал бы вас на дуэль... на пистолетах, на расстоянии *трех* шагов» (9, 95) Или: «Ну вот эти *три* сладострастника друг за другом теперь и следят... Состукнулись *трое* лбами, а ты, пожалуй, четвертый» (9, 103). Иногда встречается «два—три», очень часто «три—четыре», «два или три раза» (9, 177); «две или три» (9, 183); «года три—четыре» (9, 31); «третий аль четвертый» (9, 154); «трое или четверо» (9, 223) Подобные примеры можно было бы в значительной степени умножить, те, которые приведены здесь, взяты из начальных глав романа.

Число «три» повторяется слишком часто, чтобы это повторение могло быть случайным. Есть страницы, где такое повторение становится навязчивым, и потому поневоле привлекает к себе внимание. Например, старец говорит с одной из «верующих баб»: «О чем плачешь-то? — Сыночка жаль, батюшка, *трехлеточек* был, без *трех* только месяцев и *три* бы годика... Четверо было у нас... *Трех* первых схоронила... Вот уж *третий* месяц из дому» (9, 63—64). С другой бабой: «Вдовею я, *третий* год, — начала она полушепотом, сама как бы вздрагивая... Она кончила скоро. — *Третий* год? — спросил старец. — *Третий* год. Сперва не думала, а теперь хворать начала» (9, 67). «Он перекрестил ее *три* раза» (9, 68).

Не менее важны, чем эти приведенные и разнообразные повторы числа «три», такие повторы, которые либо необходимо возвращаются по ходу действия, будучи так или иначе с ним связаны, либо выделены и подчеркнуты композиционно: три тысячи берет Митя у Катерины Ивановны; три тысячи, по крайней мере, он хотел бы получить от отца; три тысячи Федор Павлович припрятывает для Грушеньки. Впоследствии три тысячи Алеша, Катерина Ивановна и Иван платят адвокату. В одной из первых глав романа число «три» вынесено в заглавие — «*Третий* сын Алеша». Характерны и другие, бросающиеся в глаза утроения: три главы об исповеди Мити («Исповедь горячего сердца. В стихах»; «Исповедь горячего сердца. В анекдотах»; «Исповедь горячего сердца. „Вверх пятами“»); три главы о надрывах («Надрыв в гостиной»; «Надрыв в избе»; «И на чистом воздухе»); три главы о встречах и попытках Мити достать деньги, чтобы вернуть свой долг Катерине Ивановне («Кузьма Самсонов», «Лягавый», «Золотые прииски»); три главы о мытарствах («Хождение души по мытарствам. Мытарство первое»; «Мытарство второе»; «Третье мытарство»); три главы о встречах Ивана со Смердяко-